

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ ЭПОХИ ГОНЕНИЙ ГЛАЗАМИ ТАЙНОГО КУРЬЕРА УКРАИНСКИХ ЕПИСКОПОВ: СЛЕДСТВЕННЫЕ ПОКАЗАНИЯ Г. А. КОСТКЕВИЧА 1931 г.

Ниже публикуются документы следствия над одним из украинских церковных деятелей, который, будучи доверенным лицом ряда архиереев, оказался в центре событий и написал несколько статей о положении Церкви в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Переданные за границу, эти материалы произвели огромное впечатление и до сих пор являются ценными источниками по истории Русской Православной Церкви. Личные показания Г. А. Косткевича дополняют историческую картину.

Жизнь Православной Церкви на подсоветской территории в 1920-е гг. была осложнена целым рядом неблагоприятных обстоятельств: постоянным гнетом репрессий, значительной дезорганизованностью управления, фактической нелегальностью органов церковной власти, раскольнической деятельностью так называемого «прогрессивного» духовенства, направляемого и негласно поддерживаемого богоборческой властью, которая, собственно, и была главным источником проблем. Особенно тяжело православным было на Украине, где ситуация дополнительно осложнялась еще и сильным националистическим антицерковным движением, не большевиками порожденным, но ими поощряемым (до определенного времени). Украинская православная иерархия, существовавшая с 1918 г. автономно от российской, после эвакуации в 1920 г. митрополита Киевского Антония (Храповицкого) была обезглавлена. Назначение Патриархом Тихоном летом 1921 г. Экзархом Украины митрополита Гродненского Михаила (Ермакова) лишь отчасти решило эту проблему, так как полноправным Киевским митрополитом его мог избрать только канонический Всеукраинский Собор, проведению которого власть всячески препятствовала. Тем временем при ее (власти) содействии в 1921 и 1922 гг. оформились два раскола — липковский-самосвятский и обновленческий, руководящие органы которых быстро получили легальный статус. Первый был более распространен на Правобережной Украине, второй — на Левобережной, особенно в столице, которой тогда стал Харьков. Положение украинской православной иерархии в организационном плане стало совсем плачевным в начале 1923 г., когда был арестован митрополит Михаил, помощи же из Москвы ждать не приходилось, поскольку Патриарх Тихон уже более полугода сам был под арестом. Митрополит Михаил успел издать распоряжение о порядке управления Киевской епархией в его отсутствие, но назначить себе как Экзарху заместителя он не мог, так как это было прерога-

тивной Патриарха, а он от управления Церковью был насильственно отстранен. В такой ситуации оставшимся на свободе православным украинским епископам пришлось самоорганизовываться. Роль их негласного координатора взял на себя ставший временно управляющим Киевской епархией епископ Уманский Макарий (Кармазин). Жизнь заставляла его искать новых помощников, причем таких, которые не были на виду у власти. Одним из них и стал юный киевлянин Георгий Косткевич, которому в 1923 г. было всего 19 лет.

Георгий (по паспорту — Юрий) был сыном известного киевского врача, профессора университета, специалиста по инфекционным заболеваниям Александра Ипполитовича Косткевича, принадлежавшего к среде либеральной интеллигенции, которая в начале XX в. почти утратила связь с Церковью. Вероятно и Георгий, воспитанный в этой среде, изначально не был глубоко верующим человеком. Но в 1922 г., после сильного потрясения, вызванного смертью отца, 18-летний Георгий пережил переворот в душе. На похоронах своего родителя он познакомился с известным киевским священником Анатолием Жураковским, сблизился с ним и через некоторое время стал членом его общины. Через о. Анатолия Георгий познакомился с другими церковными деятелями Киева — архимандритом Ермогеном (Голубевым), епископами Георгием (Делиевым) и Макарием (Кармазиным). Последнему, как видно, понравился молодой человек. Он оценил его ум, смелость, образованность, искреннюю веру и решил доверить ему выполнение секретных поручений. Поначалу делом Косткевича стало размножение различных церковных документов и разнос конфиденциальных писем. Затем на него стала возлагаться задача по обеспечению конспиративной связи в более широких масштабах. Возможно, для облегчения своей курьерской деятельности он специально устроился работать на железную дорогу делопроизводителем и вступил в Союз железнодорожников, что дало ему право бесплатного проезда на поездах по всей территории СССР. Работа на железной дороге не мешала Г. А. Косткевичу окончить медицинский институт, что впоследствии ему весьма пригодилось в лагере. Маршруты поездок Г. А. Косткевича были самыми разными, не ограничиваясь территорией Украины. Так, например, в 1924 г. он через Москву ездил в г. Краснококшайск (Йошкар-Ола) к находившимся там в ссылке священнику Анатолию Жураковскому и архимандриту Ермогену (Голубеву), которым он, в частности, передал антиминс.

Пик секретной курьерской деятельности Косткевича пришелся на 1925 г. — время, чрезвычайно насыщенное драматическими для Церкви событиями. Январь 1925 г. был ознаменован арестом епископа Макария (Кармазина), после чего обязанности управляющего Киевской епархией, а также роль негласного координатора украинского епископата принял на себя другой Киевский викарий — епископ Таращанский Георгий (Делиев). С молодым Косткевичем новый управляющий Киевской епархией был знаком не хуже епископа Макария и поэтому оставил его выполнять прежние функции, облакая его еще большим доверием. Нередко в целях конспирации епископ Георгий отказывался от письменных сообщений и поручал Косткевичу устно передавать конфиденциальную информацию, что делало последнего человеком исключительно осведомленным в вопросах церковного управления. Причем, если епископ Макарий в

1923–1924 г. действовал в значительной степени самостоятельно, без оглядки на Москву, что, в частности, породило проблему ставропигии Киево-Печерской лавры, то епископ Георгий считал необходимым заручиться поддержкой Патриарха Тихона и окружающих его архиереев. Сделать это было необходимо и по той причине, что в Москве к тому времени было сосредоточено (не по своей воле) немалое количество украинских иерархов, причем весьма авторитетных в церковных кругах, таких как архиепископы Черниговский Пахомий (Кедров) и Херсонский Прокопий (Титов), епископы Каменец-Подольский Амвросий (Полянский) и Ананьевский Парфений (Брянских). Последний после ареста в 1924 г. архиепископа Феодора (Поздеевского) возглавил братию Данилова монастыря, игравшего с момента возникновения обновленчества чрезвычайно важную роль в церковной жизни. К нему в марте 1925 г. Косткевич и был направлен епископом Георгием с заданием сообщить об аресте Кармазина и о том, что он вступил в исполнение его обязанностей, просить утверждения директив, информации, отмены ставропигии Лавры. Кроме этого указывался адрес для дальнейшей секретной переписки. С заданием Г. А. Косткевич, судя по его показаниям, вполне справился: «В Москве я виделся с Брянских в Даниловом м[онасты]ре, где он жил, передал поручение и на следующий день получил пакет для Делиева и на словах обещание, что вопрос ставропигии будет пересмотрен, что Делиев утверждён, что адресом для переписки воспользуется»¹.

Вскоре после этой мартовской поездки Косткевича в Москву произошло событие, потрясшее уже всю Церковь: скончался Святейший Патриарх Тихон. Во главе церковного управления, в соответствии с завещанием почившего Первосвятителя и с согласия епископата, встал Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр (Полянский). Он продолжил линию Святейшего Тихона и был поставлен перед все теми же проблемами: враждебностью власти, по-прежнему отказывавшей Патриаршей Церкви в праве легального существования, постоянными интригами ОГПУ и его агентов в рясах (обновленцев и им подобных), общим падением церковной дисциплины. В дополнение к уже возникшим ранее расколам власть провоцировала появление новых с помощью так называемых «прогрессивных групп», то есть групп духовенства, ратовавших за легализацию Православной Церкви на кабальных условиях власти. На Украине эти раскольнические группы помимо темы легализации эксплуатировали еще и идею «канонической автокефалии», все еще продолжавшую беречь сознание части местного клира и мирян. Главную роль в очередном коллаборационистско-националистическом движении стал играть епископ Лубенский Феофил (Булдовский). По месту его нахождения (г. Лубны Полтавской губернии) новый раскол получил название лубенского.

Православный украинский епископат перед лицом нового вызова должен был проявить свою сплоченность и готовность к совместным действиям. Необходимо было заручиться и поддержкой московских украинских епископов, а также всероссийской церковной власти в лице Патриаршего Местоблюстителя, который, к слову сказать, как и Патриарх Тихон, весьма ценил высланных в Москву с Украины иерархов-исповедников. На допросе в январе 1926 г. митрополит Петр показал: «Что касается епископов, с мнением которых я считался особен-

но, то это: Николай Добронравов, Пахомий, Прокопий, Амвросий и другие»². Видно, что из четырех особо отмеченных Местоблюстителем архиереев трое были украинскими. В этой ситуации Г. А. Косткевичем по поручению епископа Георгия (Делиева) была предпринята важнейшая из его секретных поездок — в Полтаву, Харьков и Москву. «Сущность поручений, данных мне Делиевым, — показал Косткевич об этой поездке, — сводилась к тому, чтобы выработать единый фронт против попыток соглашения с Сов[етской] властью, крепче связать с Киевом, т. е. со всеукраинским центром, организации Полтавы и Харькова, для чего обменяться адресами для переписки и получить санкцию Всесоюзного центра на такую тактику». Одним из способов сопротивления антицерковному натиску в то время было нелегальное посвящение новых архиереев. К этой тактике на Украине с 1923 г. стал активно прибегать епископ Макарий (совместно с епископом Парфением, тогда еще не высланным в Москву). Епископ Георгий продолжил эту линию. В числе заданий, данных им Косткевичу, было обсудить с другими украинскими иерархами возможные кандидатуры новых ставленников. «В итоге моей поездки по Украине, — показывал Косткевич без излишней скромности, — я достиг, согласно директивам Делиева, того, что руководящие церковные круги приняли тактику возглавляемого Делиевым центра организации в важнейших вопросах — о взаимоотношении с Сов[етской] властью, условились поддерживать связь и контакт с этим центром, т. е., иначе говоря, произошло то, что можно назвать консолидацией церковных групп Украины вокруг организации и распространением ее влияния на церковную жизнь всей Украины». Успешной была и заключительная часть поездки Косткевича — в Москву, где он виделся с епископами Парфением (Брянских) и Амвросием (Полянским), архиепископами Пахомием (Кедровым) и Николаем (Добронравовым) и, наконец, Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром. «Все перечисленные лица подтвердили правильность взятой Делиевым линии, настаивали на немедленном роспуске прогресс[ивной] группы, на полном бойкоте Лубенского съезда. <...> Контакт между церковными руководящими группами Украины на почве единого фронта против Сов[етской] власти они также приветствовали, санкционируя и почин и главенство в этом Всеукр[аинского] центра в Киеве под руководством Делиева. Мысль о пополнении кадров руководства организации тайно поставленными епископами они также одобряли»³. Надо полагать, не без связи с поездкой Косткевича 25 июня 1925 г. Местоблюститель письменно объявил о запрещении в священнослужении епископа Феофила (Булдовского) и о предании его церковному суду⁴. Суд архиереев над епископом Феофилом и другими главарями лубенского раскола действительно состоялся, но уже после насильственного отстранения митрополита Петра от управления Церковью. Что касается намеченных тайных епископских хиротоний, то не все задуманные постановления удалось сразу осуществить, но, например, монашеский постриг священника Василия Зеленцова и его рукоположение во епископа Прилукского, викария Полтавской епархии, были совершены уже в августе 1925 г. В результате именно епископ Василий сыграл важнейшую роль в борьбе с лубенским расколом.

Достигнутое летом 1925 г. согласие среди православных украинских епископов способствовало дальнейшей маргинализации лубенцев, но проблема

нелегалитетности церковного управления оставалась. Разное видение путей решения этой проблемы могло подточить единство православной иерархии, тем более что ОГПУ не прекращало свои интриги. Определенные трения среди недавних единомышленников обозначились уже осенью 1925 г., когда вернулся из среднеазиатской ссылки и поселился в Москве митрополит Михаил (Ермаков). Как это ни кажется странным, вернувшийся Экзарх был довольно холодно встречен московскими украинскими епископами. Связано это в первую очередь было с тем, что неожиданно для них митрополит Михаил стал титуловать себя митрополитом Киевским и Галицким, хотя избрать его таковым мог только Всеукраинский Собор, а утвердить в этом звании — Святейший Патриарх. Не дожидаясь решения Собора или хотя бы Местоблюстителя на этот счет, митрополит Михаил в явочном порядке начал носить положенные Киевскому митрополиту две панагии, чем вызвал удивление в церковных кругах. Отчуждение от митрополита Михаила, по всей видимости, усиливалось еще и подозрением его в готовности пойти на компромисс с властью в вопросе о своей легализации. В результате, как следует из показаний епископа Парфения (Брянских), на совещании Местоблюстителя с украинскими епископами в московском Даниловом монастыре 12 сентября 1925 г. было высказано предложение назначить Экзархом другого иерарха, а именно епископа Дамаскина (Цедрика)⁵. На такой шаг митрополит Петр не пошел, но твердо дал понять Высокопреосвященному Михаилу, что его титул — митрополит *Гродненский*, а не Киевский. Митрополит Михаил после этого перестал носить две панагии, и напряжение вокруг него разрешилось⁶. В целом же, однако, до успокоения Церкви было далеко.

В конце 1925 г. произошел ряд важнейших событий церковной жизни и в Москве, и на Украине. Главным из них стал арест Патриаршего Местоблюстителя митрополита Петра и близких ему видных церковных деятелей, в том числе и практически всех украинских епископов, ранее высланных в Москву (исключение составил Экзарх Михаил). Причиной этих арестов стало нежелание Местоблюстителя и его сподвижников принимать условия легализации церковного управления, выдвигаемые ОГПУ. Согласие с этими условиями фактически превращало православную иерархию в марионеточную структуру, направляемую богоборческой властью. Митрополит Петр такому соглашательству предпочел мученичество и в результате на свободу уже никогда не вышел. Дело Местоблюстителя продолжил на первых порах назначенный им заместитель — митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский). Его вступление в управление Церковью происходило в очень трудных условиях. «Прогрессивная» группа, аналогичная лубенцам, только без националистического подтекста, активно действовала и в Москве (в нее ОГПУ пыталось вовлечь и митрополита Михаила, к его чести — безуспешно). В декабре 1925 г., после ареста Местоблюстителя, эта группа организационно оформилась как «Временный Высший Церковный Совет» (ВВЦС) под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского). Так же как лубенцы на Украине, поддерживаемые ОГПУ григориане практически сразу же были легализованы властью. Заместитель Местоблюстителя митрополит Сергей, выждав незначительное время, повел в январе 1926 г. активную борьбу с самозванным ВВЦС.

При этом украинский фактор в общецерковных делах не только сохранил свое значение, но и усилился.

Почти одновременно с арестом Местоблюстителя в Москве на Украину, только не в Киев, а в Харьков, вернулся епископ Макарий (Кармазин). Вслед за этим, как видно из публикуемых показаний Г. А. Косткевича, в отношениях между ним и епископом Георгием образовалась трещина: «Кармазин, выйдя из тюрьмы и получивши отказ Делиева передать ему обратно дела управления, намекнул, а затем и прямо сказал, что Делиев ведет своекорыстную политику, не заслуживает больше доверия и может быть заподозрен в контакте с ГПУ. <...> Итак, изменение ситуации на Украине свелось к тому, что под влиянием Кармазина жившие в Харькове епископы стали с недоверием относиться к Делиеву, равно как и остальные Киевские епископы. Роль Делиева как главы всеукраинского центра сошла на нет. Центр переместился в Харьков»⁷. Епископ Георгий пытался апеллировать к митрополиту Михаилу в Москву, но тот, как можно понять, вмешиваться в его распрю с другими украинскими епископами не стал. Распря эта была в тот момент совершенно неуместна, поскольку именно тогда, в декабре 1925 г., в завершающую стадию вошел процесс архиерейского суда над главарями лубенского раскола. Митрополит Михаил присоединился к акту двенадцати украинских епископов, отлучавшему от Церкви бывшего епископа Феофила (Булдовского) и его пособников. Примечательно по-своему, что подписи епископа Георгия (Делиева) под этим актом не было⁸. В то же время митрополит Сергей незамедлительно (5 января 1926 г.) утвердил этот акт⁹, оказав украинским православным епископам каноническую поддержку и одновременно продемонстрировав свои собственные полномочия Заместителя Местоблюстителя, в признании которых тогда сам еще весьма нуждался (в связи с начавшимся противостоянием его григорианским раскольникам).

Произошедшие изменения в церковной жизни Украины сказались и на положении Косткевича. «Лично мне, — показывал он, — Делиев поставил условие: либо поддерживать связь с ним одним и порвать с Кармазинным и др., либо лишиться его доверия. Т. к. я не видел оснований порывать с Кармазинным и др., я стал редко бывать у Делиева, а он перестал посвящать меня в свои дела»¹⁰. При этом, следует заметить, что и епископы харьковского «центра» посвящать Косткевича в свои дела в такой степени, как это делал в 1925 г. епископ Георгий, не стали. Важнейшие курьерские поездки поручались уже не ему, а другим лицам: священникам Николаю Пискановскому, Григорию Селецкому и др. В то же время и Косткевича при необходимости привлекали к разъездам, в том числе порой и для получения подписи епископов под важными церковными документами, и к последующему распространению этих документов. По этой причине он продолжал быть в курсе всех значимых событий в жизни Церкви и их скрытой от чужих глаз составляющей. Его показания об этих событиях (борьбе митрополита Сергия с григорианами, с митрополитом Агафангелом и т. д.) вносят заметные новые штрихи в уже известную историческую картину. Заслуживает внимания, например, свидетельство Косткевича о том, что во время тайных выборов Патриарха осенью 1926 г. епископ Павлин (Крошечкин) успел объехать Украину, «и все епископы дали свои подписи»¹¹. Весьма важными также являются пока-

зания насчет послания соловецких епископов и участия в его распространении митрополита Сергия в 1926 г.: «Всесоюзный центр в лице Страгородского, войдя в нелегальную связь с находящимися в Соловках членами центра Полянским, Титовым, Поповым, получил от них т[ак] наз[ываемую] “соловецкую декларацию” — документ, дающий основную установку церковникам по вопросу об отношении к Соввласти и легализации. Этот документ Страгородский через курьеров рассылал по всему СССР, как директиву низовым группировкам организации. Всеукраинский центр через Пискановского, ездившего в Нижний, также получил этот документ и передал его затем в Киев через меня в конце 1926 — начале 1927 г.»¹².

Рубежом в новейшей истории Русской Православной Церкви стал 1927 г. «Чувствовалось, — записано в показаниях Косткевича, — что в политике организации наступил какой-то перелом или высшее церковное управление и ряд членов центра организации, входящих в него, отказались от продолжения работы в организации, став на путь соглашения с Соввластью»¹³. Митрополит Сергий, пробыв после провала попытки проведения тайных выборов Патриарха три с половиной месяца в заключении, пришел к выводу, что дальнейшее существование Патриаршей Церкви без легализованного управления может окончательно погрузить церковную жизнь в хаос, и принял условия легализации: подчинение контролю ОГПУ внешней и внутренней деятельности Патриархии (в том числе ее кадровой политики), выражение словесной поддержки «нашему» (то есть большевистскому) правительству, осуждение прежней позиции Церкви по отношению к власти как «контрреволюционной» и отмежевание от всех, кто от этой прежней позиции отказываться не пожелает (со всеми каноническими последствиями). Путь компромисса с властью, на который встал Заместитель Местоблюстителя, поддержали многие иерархи, в том числе Экзарх Украины митрополит Михаил, утвержденный за это в звании митрополита Киевского в конце 1927 г., епископ Сумской Константин (Дьяков), ставший архиепископом Харьковским и фактически возглавивший легализованный украинский епископат, епископ Георгий (Делиев), занявший после этого Днепропетровскую кафедру и возведенный в сан архиепископа и др. В то же время многие в Церкви осудили новую политику митрополита Сергия. Из числа фигурирующих в показаниях Косткевича епископов на «антисергианские» позиции встали, например, епископы Макарий (Кармазин), Василий (Зеленцов), Дамаскин (Цедрик). Всего около 40 православных архиереев в течение двух-трех лет объявили о выходе из канонического подчинения Заместителю Местоблюстителя (сохраняя таковое самому заключенному Местоблюстителю). В это число не включены порвавшие отношения с Московской Патриархией русские зарубежные иерархи, возглавляемые митрополитом Антонием (Храповицким), а их тогда тоже было немало. Все это сопровождалось появлением в Церкви большого числа полемических произведений, в большинстве своем весьма резких по содержанию (как со стороны оппонентов митрополита Сергия, так и со стороны его апологетов)¹⁴.

Весьма примечательна та интерпретация компромисса митрополита Сергия, которая дается в показаниях Косткевича: «Из бесед с Дьяковым я узнал, что организация не перестала существовать, а лишь изменила тактику, ввиду того,

что прежняя линия непримиримости оказалась несостоятельной, что ее никто не поддерживал и наступал развал в церк[овной] жизни. Новая же тактика “легализации”, сущность коей сводится к двойственности политики, имеет задачей добиться у Соввласти ценой неискренних деклараций свободы легального существования, освобождения ссыльных и пр., с тем, что по существу отношение к Соввласти и политика должна оставаться прежней. В связи с этой новой тактикой надо добиться полного единомыслия между членами организации, поддерживать ее, разъяснить ее двойственность и в таком двойственном смысле вести всю дальнейшую к[онтр]-р[еволюционную] работу»¹⁵. Иными словами, утверждалось, что действия митрополита Сергия и его единомышленников — это лишь маневр, призванный вывести Церковь (или хотя бы ее часть) из-под удара боготорческой власти. Надо заметить, что такое же толкование содержалось и в ряде других источников 1930-х гг. и более позднего времени¹⁶. Согласно показаниям Косткевича, двойственность политики митрополита Сергия скрытно разъяснялась в церковных кругах, причем не только внутри страны, но — здесь сведения киевского курьера особенно интересны — и видным деятелям русской эмиграции: «Особую важность приобретал вопрос о правильном освещении “легализации” за границей, дабы реабилитировать Страгородского и всю организацию в глазах к[онтр]-р[еволюционных] и буржуазных сил. Особенно же важно разъяснить м[итрополиту] Евлогию неискренность и вынужденность обращений к нему и желательность получить от него удовлетворительный для Соввласти, но ни к чему не обязывающий его ответ. Наконец, в связи с предстоящим по настоянию Соввласти замещением Киевской кафедры, предупредить м[итрополита] Антония Храповицкого о вынужденности этого акта и гарантировать ему его права в случае его возвращения»¹⁷. Следует, однако, заметить, что, если подобного рода секретная разъяснительная работа сторонниками митрополита Сергия и проводилась, успех ее был не очень значительным: массовые отходы от Заместителя продолжались, и критика в его адрес в церковных кругах звучала все более жесткая (равно как ужесточались и меры к несогласным с его стороны).

В судьбе самого Г. А. Косткевича в 1927 г. также произошли важные события. В апреле—мае он смог передать материалы о гонениях за границу. Сделал он это через польского консула в Киеве Бабинского. Вслед за этим в начале июня Косткевич впервые был арестован. Сначала он содержался в Киеве, затем был переведен в Харьков. В материалах дела сказано, что «в распоряжении ГПУ УССР имелись данные о деятельности обвиняемого»¹⁸. Тем не менее уже 23 июля 1927 г. Косткевич был освобожден под подписку о невыезде. Такие скорые освобождения обычно вызывали подозрения в том, что освобожденный дал согласие секретно сотрудничать с ОГПУ. По всей видимости, не избежал таких подозрений и Косткевич, во всяком случае, ранее доверявшие ему украинские иерархи, перестраховываясь, сократили с ним контакты. В результате в критический момент церковной истории он до определенной степени оказался не у дел, что для его натуры, не лишенной склонности к авантюрам, было невыносимо. Он привык уже к атмосфере секретности, к личной причастности к важным церковным делам, к тесному общению с иерархами. Люди, близко знавшие его, впоследствии отмечали, что та ответственная и серьезная работа, которую ему пришлось в

таким юном возрасте выполнять, «так сказать, вскружила несколько ему голову и невольно внушила ему несколько преувеличенное представление о себе»¹⁹. Желая напомнить о себе, в октябре 1927 г. Г. А. Косткевич написал в Харьков письмо протоиерею Григорию Селецкому, в котором излагал свои взгляды на предстоящую легализацию Православной Церкви на Украине и свое отношение к митрополиту Михаилу (Ермакову). Станным образом для придания большего авторитета своим взглядам он ссылался на свою беседу с одним из руководителей ГПУ на Украине С. Т. Каринным²⁰, которой на самом деле не было. В конце 1927 — начале 1928 г., следуя своему духовному отцу священнику Анатолию Жураковскому, разорвавшему канонические отношения с митрополитами Сергием и Михаилом, Косткевич ушел в оппозицию Московской Патриархии.

В этот период ему удалось установить двустороннюю связь с заграницей, и вплоть до ареста в декабре 1930 г. он через польское консульство вел активную переписку со своим знакомым А. П. Вельминым, проживавшим в Варшаве. Деятельное участие в подготовке материалов для пересылки за границу принимал тогда настоятель Киево-Печерской Лавры архимандрит Ермоген (Голубев), к слову сказать, с митрополитами Сергием и Михаилом не порывавший. Церковным историкам уже отчасти известна деятельность Косткевича по осведомлению русского зарубежья о событиях церковной жизни в России. Особенно значим написанный им в 1930 г. «Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней»²¹. Этот очерк вполне можно считать первым серьезным исследованием по истории Русской Церкви периода гонений, хотя и весьма небеспристрастным. В нем, кстати, «легализации» митрополита Сергия дана совсем иная оценка, нежели в показаниях 1931 г. «М[итрополит] Сергей капитулировал перед ГПУ. <...> Цитадель Православия — Патриарший Престол — была в руках врагов Церкви, борьба с Церковью идет не только извне, осуществляется не только теми, кто носит мундир ГПУ и партийный билет, но и изнутри теми, у кого на груди панагия и крест, кто ходит в монашеских рясах и епископских мантиях», — писал Косткевич в своем «Обзоре» в 1930 г.²²

Помимо церковной деятельности Г. А. Косткевич в те годы занимался и деятельностью чисто политической. Он, как явствует из его следственного дела, входил в киевское отделение «Республиканско-демократического объединения» (РДО), главой которого был проживавший в Париже П. Н. Милуков. Большинство членов этой группы были арестованы и осуждены на так называемом профессорском процессе 1924 г., прогремевшем на весь мир. Входившему в группу А. П. Вельмину удалось бежать за границу с помощью Г. А. Косткевича, заслужившего тем самым безграничное доверие Вельмина. После разгрома Киевской организации некоторые деятели (Б. Н. Толпыго, Н. М. Воскресенский, С. П. Вельмин, родной брат А. П. Вельмина, и др.), постарались возобновить прерванную политическую деятельность. Г. А. Косткевич, установивший связь с А. П. Вельминым, использовался членами этой группы для связи с заграничными участниками Республиканско-демократического объединения.

В основном деятельность Косткевича заключалась в получении из-за границы и распространении среди своих единомышленников антибольшевистской литературы. 9 декабря 1930 г. Г. А. Косткевич был арестован ОГПУ именно в

связи с этой политической деятельностью, хотя следователей больше интересовали его церковные связи. Первоначально он проходил по так называемому «делу “Весна”» (также известному как «Гвардейское дело»), по которому было арестовано более трех тысяч человек. Г. А. Косткевичем была придумана легенда о необходимости получения наследства от дяди под Парижем, что привело его к Бабинскому и А. П. Вельмину, который попросил сообщить о положении Церкви. Эта выдумка была быстро разгадана следователем и больше в допросах не фигурировала. В первых показаниях Г. А. Косткевич рассказывал в основном о своей политической деятельности и способах пересылки своих сообщений А. П. Вельмину²³. Он признался в том, что присланная им информация вызвала большой интерес за рубежом.

В первых допросах он пытался уклониться от откровенных показаний, стараясь переложить ответственность на уже умерших людей, например на митрополита Михаила (Ермакова). Но под давлением следствия, в том числе, очевидно, и физическим, Косткевич дал подробные показания. Перелом произошел 27 января 1931 г., когда Георгий Александрович стал подробно откровенно рассказывать о своей церковной деятельности и участии в ней других людей.

Эти показания показали следователям ГПУ УССР Г. Люшкову и С. Карину настолько интересными, что 5 февраля 1931 г. ими была составлена записка начальнику Секретного отдела ОГПУ «Об ультраправославных и показаниях Косткевича»²⁴. В нем говорилось: «Следствие ведется форсированным темпом. Особое внимание обращено на выявление и освещение роли ультраправославных в деле связи с заграницей...»²⁵

Несложно заметить, что публикуемый ниже апрельский протокол допроса Г. А. Косткевича, хотя и подписан подследственным, однако носит отпечаток давления со стороны следователя, отсюда постоянное использование выражений «организация», «центр», «контрреволюционная работа» и т. п.

Характерно, что в своих показаниях Г. А. Косткевич выступает сторонником митрополита Сергия, в то время как в письмах А. П. Вельмину он убежденный оппозиционер. Двойственность позиции Косткевича еще до ареста отмечали и его киевские знакомые, например протоиерей Д. Иванов. Возможно, причина этого — одновременное влияние на Георгия Александровича двух необыкновенно сильных личностей, которые были его духовными руководителями, — священника Анатолия Жураковского и архимандрита Ермогена (Голубева).

Он так объяснял эту свою позицию: «Переходя теперь к характеристике моего личного положения среди различных церковных группировок, я должен отметить, что оно может быть названо промежуточным по следующим причинам. Я был тесно лично связан с Жураковским и через его с группой отделившихся от М[итрополитов] Сергия и Михаила. Но вместе с тем я был не менее тесно связан с Голубевым, Куминским, Кармазиным — придерживающимися политики М[итрополитов] Сергия и Михаила. Поэтому я окончательно не мог причислить себя к одной из этих групп, окончательно не мог порвать с другой. Я поддерживал по-прежнему связи и с той и с другой. Кроме того, я не мог согласиться с точкой зрения отделившихся, что М[итрополиты] Сергий и Михаил продали, так сказать, церковное дело — я верил в искренность того, что из уст М[итрополита]

Сергия передавали мне Арх[иепископ] Константин и Голубев. Соглашаясь с отделившимися в том, что М[итрополит] Сергей едва ли “надует” Тучкова, я все-таки верил, что он хочет его надуть.

Из этого промежуточного моего положения и вытекала вся дальнейшая тактика моего поведения, как в вопросе освящения Вельмину и “РДО” церковных событий в СССР, беседах с консулами Бабинским и Янковским, так и в вопросе включения в связь с Вельминым — РДО представителей обоих церковных группировок»²⁶.

Вместе с тем весьма примечательно, что едва ли не главным «контрреволюционером», согласно публикуемому ниже протоколу, был митрополит Сергей (Страгородский), который изображен как глава «Всесоюзного церковного центра», действовавшего против советской власти сначала нелегально, а затем с 1927 г. — под прикрытием легализованной церковной структуры. Видно, что, несмотря на все сделанные им власти уступки, ОГПУ ему по-прежнему не доверяло и продолжало собирать на него политический компромат. О том, что подобного рода обвинительный материал на митрополита Сергия активно фабриковался в 1937–1938 гг., было известно и раньше²⁷. Из дела Косткевича следует, что эта работа была начата ОГПУ еще в начале 1930-х гг. Митрополит Сергей, однако, как известно, уцелел и в 1931, и в 1937 гг., и в последующие годы, успев за восемь месяцев до смерти стать Патриархом. При этом практически все видные сторонники митрополита Сергия, не говоря уже о его оппонентах, не пережили годы «Большого террора». Так, например, Высокопреосвященный Константин (Дьяков), ставший после кончины митрополита Михаила Экзархом Украины, а затем и митрополитом Киевским, был в 1937 г. забит насмерть во время допроса²⁸. Большинство упоминаемых в показаниях Косткевича епископов были расстреляны в 1937–1938 гг.

Что же касается Г. А. Косткевича, то он 18 октября 1931 г. был приговорен к расстрелу, замененному на десять лет лагерей. В лагере работал по своей врачебной специальности. Освободился перед войной, жил в Архангельске и даже состоял в Архангельском научном медицинском обществе терапевтов. В 1951 г. был вновь арестован и сослан в г. Курган (основанием для ареста послужили имевшиеся в МГБ УССР данные, что во время встреч с иностранцами он «вел антисоветские разговоры и клеветал на советскую действительность»). В Кургане он написал работу о лечении туберкулеза, которая привлекла внимание какого-то высокопоставленного специалиста, добившегося его перевода в Кремлевскую больницу. В начале 1960-х гг. Г. А. Косткевич переехал в Киев, заведовал кабинетом истории медицины института им. Стражеско. Скончался в 1973 г.

Публикуемый ниже документ хранится в Киеве в Центральном Государственном архиве общественных организаций Украины (ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 55–108). Церковные историки уже ссылались на него. Так, например, протоиерей Николай Доненко из Симферополя частично использовал этот протокол в своей книге «Наследники царства» в главе, посвященной священномученику Макарию (Кармазину)²⁹. Но в полном и аутентичном виде документ опубликован не был, хотя, без сомнения, этого заслуживает. Несмотря на вмешательство следователя, показания Г. А. Косткевича весьма информатив-

ны, а описываемые им факты по большей части подтверждаются другими источниками (когда они имеются). Полная расшифровка текста протокола, его компьютерный набор в ЦГАООУ и археографическая обработка осуществлены А. Н. Сухоруковым. Публикация оформляется в соответствии с правилами издания исторических документов.

*Вступительная статья, публикация и примечания свящ. А. Мазырина,
О. В. Косик и А. Н. Сухорукова*

27 апреля 1931 г.

1931 г., апреля 27-го дня, я Уполномоченный КОС ГПУ УССР Черноморец допросил гр. Косткевича Георгия Александровича, который по существу заданных ему вопросов показал:

1. Общие данные о к[онтр]-р[еволюционной] церковной организации, ее политической платформе и методах работы.

Принимая на протяжении времени с 1923-го по 1930 год включительно активное участие в деятельности церковных организаций СССР, выполняя различные поручения всех руководителей, с которыми я был связан, будучи в курсе многих закулисных сторон этой деятельности, я признаю, что она носила к[онтр]-р[еволюционный] характер и зачастую к[онтр]-р[еволюционными] побуждениями вызывалась. Однако лишь теперь, вновь продумавши все то, свидетелем и участником чего я был, проанализировавши все отдельные моменты и сведя их воедино, я прихожу к заключению, что не деятельность церковных организаций имела к[онтр]-р[еволюционный] характер, а что существовала к[онтр]-р[еволюционная] организация церковников, которая, включая в свой состав многих руководителей церкви в СССР, фактически направляла церковную политику, и что, таким образом, деятельность церковников и ее отдельные этапы надо рассматривать как моменты, эпизоды деятельности этой к[онтр]-р[еволюционной] организации. И хотя на протяжении времени моего участия в этой деятельности и моих связей с ее участниками я не слышал от них и не знал о существовании такой организации, однако, объясняю это обстоятельство тем, что меня, несмотря на большое доверие, которым меня облекали, все-таки не посвящали во все. На этом основании были и мои прежние показания о том, что я не знал о существовании такой к[онтр]-р[еволюционной] организации церковников и настоящие мои показания — плод долгого размышления и переоценки всего того, в чем я принимал участие, являются не противоречием моим прежним показаниям, а лишь их развитием в свете тех логически неизбежных выводов, из них же вытекающих, которые я ныне сделал.

Политическая платформа организации, поскольку могу судить по ряду признаков, приближалась к платформе т[ак] н[азываемого] Респ[убликанско]-Дем[ократического] объединения эмиграции³⁰ и сводилась к следующему:

- а) свергнуть Сов[етскую] власть в СССР;
- б) установить демократическую буржуазную республику;

в) гарантировать т[аким] обр[азом] для церкви те права и привилегии, которых она лишилась в октябре 1917 г., как то: независимость от государства в вопросах внутренней жизни, господствующее положение, материальную поддержку от государства.

Эта политическая платформа, наиболее соответствующая интересам церкви и ее членов и руководителей, была в свое время знаменем деятельности церковников в эпоху Московского собора 1917–1918 гг. О том же, что она оставалась актуальной и во все последующее время можно судить потому, что:

1) руководители церковной к[онтр]-р[еволюционной] организации вышли как раз из среды тех, кто в 1917–1918 г. был выдвинут на руководящие роли буржуазно-демократическими кругами Временного Правительства;

2) что к[онтр]-р[еволюционная] церковная организация поддерживала постоянную связь с находящимся за рубежом митр[ополитом] Евлогием Рождественским*, одним из вождей и руководителей РДО.

Методы работы организации, ее тактика в различные периоды были различными, завися от общей политической ситуации.

Однако, в общем можно сказать, что они сводились к противодействию мероприятиям Сов[етской] власти, дискредитации ее в глазах масс или к известной агитационной обработке их, а также к созданию к[онтр]-р[еволюционных] кадров вокруг церковных организаций. Для этого, естественно, к[онтр]-р[еволюционная] организация должна была проводить и проводила создание кадров своих членов и единомышленников в центре и на местах, через и вокруг которых велась основная ее к[онтр]-р[еволюционная] работа. Это создание аппарата организации с системой связей, в условиях конспирации, охватывало преимущественно духовенство и руководящих влиятельных лиц из мирян. Они же, проводя работу на местах, охватывали основные массы народа. Таким образом, будучи на верхах, главным образом состоящей из духовенства, на низах организация распадалась на ячейки мирян. Этот «духовный» состав руководящих сфер организации, принимая во внимание наличие церковного аппарата управления, создает известный параллелизм, а в иных случаях и полную тождественность между аппаратом церковного управления и аппаратом организации.

Структура организации была таковой: существовал центр всесоюзного масштаба, в который входили лица, одновременно состоящие в верхушке церковного управления. Это были в период 1923–1925 г. вкл[ючительно] — Николай Добронравов (арх[иепископ] Владимирский), Прокопий Титов (арх[иепископ] Херсонский), Амвросий Полянский (еп[ископ] Каменец-Подольский), Парфений Брянских (еп[ископ] Ананьевский), Пахомий Кедров (арх[иепископ] Черниговский), Гурий Степанов (арх[иепископ] Иркутский), Сергей Зверев (еп[ископ] Мелитопольский), Попов И. В. (проф[ессор] духовной Академии), Кузнецов (проф[ессор] дух[овной] Академии), Громогласов (проф[ессор] дух[овной] Академии). Лица эти, составляя верхушку и центр организации, были одновременно в т[ак] наз[ываемом] тайном совете при Патриархе и Местоблюстителе и, таким образом, они руководили как всем аппаратом организации, так и в значительной мере церковным управ-

* Правильно: Георгиевским.

лением. Этими лицами, вероятно, не исчерпывался состав верхушки организации. Это были лишь лица, о которых мне приходилось слышать.

В период 1925–1927 гг. ввиду ареста и ссылки перечисленных членов центра в него вошли новые лица: Григорий Козлов (еп[ископ] Печерский), Корнилий Соболев (арх[иепископ] Свердловский), Павлин Крошечкин (еп[ископ] Рыльский), Фаддей Успенский (арх[иепископ] Астраханский). Возглавлялся же он Сергием Страгородским (митр[ополитом] Нижегородским)*.

Этот центр был связан системой нелегальных связей с местными центрами разных частей СССР, и обязанности членов центра были распределены так, что каждый из них ведал и поддерживал связи с определенными местными организациями. Поскольку лично я, живя на Украине, имел сношения лишь с украинскими филиалами организации, я лишь о них и могу дать показания.

Лицом, входящим в состав центра и связанным с Украиной, был Парфений Брянских (еп[ископ] Ананьевский), все дела с Украины шли к нему и от него получались и все директивы.

На Украине существовал свой центр всеукраинского масштаба, который с 1922 г. (с момента ареста³¹ митр[ополита] Михаила Ермакова) и до I. 1925 г. возглавлялся Макарием Кармазиным (еп[ископом] Уманским), проживавшим в Киеве. В течение 1922–[19]23 гг. Кармазин единолично представлял этот центр, и к нему обращались с разных концов Украины. В конце 1923 г. Кармазин вместе с Брянских, бывшим в Киеве, совершил тайное рукоположение в епископов Сергия Куминского, Афанасия Молчановского, Филарета Линчевского, Федора Власова и Варлаама Лазаренко. С этого момента и эти лица (исключая Лазаренко, назначенного в Хорол на Полтавщине) во главе с Кармазиным стали играть руководящую роль для всей Украины.

В период 1925 г., когда Кармазин был арестован, руководящую роль на Украине в этом центре играл Георгий Делиев (еп[ископ] Таращанский). В период 1926–[19]27 гг. Всеукр[аинский] Центр, перешедший в Харьков во главе с Борисом Шипулиным (арх[иепископом] Уфимским), состоял из того же Кармазина, Дьякова (еп[ископ] Сумской), Цедрика (еп[ископ] Глуховский), Панкеева (еп[ископ] Мариупольский), Гагалюка (еп[ископ] Зиновьевский), Зеленцова (еп[ископ] Прилукский), Остальского (еп[ископ] Лубенский), Проценко (еп[ископ] Нежинский), Козули (еп[ископ] Бершадский), Руберовского (еп[ископ] Полонский), В[ащи]нского (еп[ископ] Винницкий), Селецкого, Цуйманова, Салькова, Перевозникова, Скрипки, Гулевича.

Переименованные лица не все одновременно находились в Харькове, и, т[аким] обр[азом], состав центра по мере выбытия одних, вследствие арестов и ссылок, пополнялся другими.

Всеукраинский центр был связан как с Всесоюзным [центром], так и с организациями на местах — по Украине. Связь с местными организациями была распределена среди членов центра так, что Дьяков ведал Харьковщиной, Гагалюк, Руберовский и Селецкий — Херсонщиной и Одесщиной, Шипулин, В[ащи]нский, Козуля, Гулевич — Подолией, Панкеев, Кармазин, Перевозни-

* Фрагмент, начинающийся со слов «В период 1925–1927 г.», написан на отдельном листе и является более поздней вставкой. Под текстом стоит подпись Г. А. Косткевича.

ков — Днепропетровщиной, Цедрик, Остальский, Проценко, Цуйманов, Сальков — Черниговщиной, Зеленцов и Скрипка — Полтавщиной. При выбытии из Харькова ввиду арестов некоторых из членов центра обязанности их перераспределялись, в порядке чего, например, Дьяков ведал в 1927 г. и Днепропетровщиной, и Полтавщиной, и Черниговщиной.

Обязанности секретаря Всеукр[аинского] Центра выполнял Панкеев.

Связь от Всеукраинского центра со Всесоюзным и с местами осуществлялась курьерами и почтовой перепиской по условным адресам.

В период 1923—[19]25 гг. курьеры, курсировавшие между Киевом и Москвой и др. городами, мне не известны. В качестве же адресов употреблялся адрес М. Н. Бурой (Киев, Театральная, № 3) — между Кармазиным, а затем Делиевым, и Брянских, т. е. в системе связей между Всесоюзным и Всеукраинскими центрами.

В 1925 г. обязанности курьера осуществлял я, совершив две поездки в Москву, одну в Полтаву и Харьков, Кротевич и Шуварская. Адреса для переписки были той же Бурой, а также ряд адресов в Харькове и Полтаве, которых я не помню. В период 1926—[19]27 гг. курьером был Пискановский, отчасти Кротевич, Селецкий и я. Адреса для переписки были по Харькову: Розенберг — для Шипулина, Зубковой и Кудрявцевой — для Селецкого, Бенш — для Кармазина, Ставицкого — для Панкеева.

Поездки курьеров были конспиративны. Для Пискановского, например, существовали клички «Пожарный», «Пискун».

Средства на поездки курьеров давал как Всеукраинский центр, так и местные организации.

В деле связи Всесоюзного центра с Украиной обязанности курьера выполнял в 1926 г. и Крошечкин.

Местные организации в городах Украины, связанные со Всеукраинским центром, в свою очередь имели систему связей с сетью сельской периферии. Лично мне эта система связей известна лишь по двум округам Киевщины — Уманскому и Радомысльско-Чернобыльскому. Лицом, уполномоченным поддерживать связь с Киевом для Уманского округа, был Аверук (архим[андрит]), живший в Умани, изредка приезжавший в Киев и получавший корреспонденцию в Умани по адресу С. П. Вельмина. Для Черноб[ыльско-] Радом[ысльского] округа связь с Киевской организацией поддерживал местный в пределах округа центр в составе Волкова (Председатель), Шпичика, Златкевича, Собкевича, Шмигельского. Эти периферические центры в свою очередь связывались с низовыми ячейками в масштабах отдельных приходов.

Внутри СССР организация имела связи с другими к[онтр]-р[еволюционными] организациями, в частности с той организацией, которая, очевидно, имелась в недрах т[ак] наз[ываемого] оппозиционного течения, порвавшего связь с М[итрополитом] Сергием. В 1927 г. весной через меня Неверович от имени Левицкого из Церк[овной] Рады Липковского-Чеховского³² делал попытки установить связь и контакт между этой радой и, как выяснилось из дела СВУ³³, самим СВУ и к[онтр]-р[еволюционной] организацией церковников, о которой идет речь.

Наконец, в моем лице, имея в виду мою причастность к Киевской группировке РДО, имел место стык между церк[овной] организацией и РДО в СССР.

Имела связи организация и с границей — именно через М[итрополита] Евлогия Рождественского* с зарубежным центром РДО³⁴. Об этих связях свидетельствует ряд фактов, как то, систематическое появление в эмигрантской прессе РДО документов о церковной жизни в СССР, исходящих из сфер организации, издание в Праге на основании собранных в 1922 г. в Москве центром материалов в виде книги «Черная книга»³⁵, связи Шипулина с Грибановским (Анастасий — арх[иепископ] Кишиневский) и, наконец, прямой связи верхушки организации через меня, начиная с 1927 г., с польским консульством в Киеве и через него с зарубежным центром РДО.

Давши в изложенном выше основные вехи структуры, деятельности, связей и политической ориентации организации, как я представляю их себе, я в дальнейших показаниях остановлюсь на описании отдельных моментов и эпизодов ее деятельности, в которых я участвовал или о которых знал, и которые являются фактическим материалом, подтверждающим, иллюстрирующим и облекающим в конкретную плоть изложенные выше основные положения.

События я буду излагать в хронологическом порядке, по возможности стремясь установить точные даты; элемент церковный в деятельности организации, тесно переплетающийся с политическим, как не имеющий отношения к делу, я буду опускать или упоминать о нем лишь общо.

ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 55–61. Подлинник. Автограф Г. А. Косткевича.

(Продолжение следует)

Примечания

¹ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 65 об.

² ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 123.

³ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 66 об. — 68.

⁴ См.: *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 335.

⁵ См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Н–3677. Т. 4. Л. 75 об.

⁶ Подробнее см.: *Мазырин А., свящ.* Вопрос о замещении Киевской кафедры в 1920-е годы // *Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви.* 2007. Вып. 3 (24). С. 118–131.

⁷ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 69, 71.

⁸ См.: *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине. С. 368–369.

⁹ См.: Распоряжение Патриарха Московского и всея Руси об именуемом себя «митрополитом» Феофиле Булдовском // *Журнал Московской Патриархии.* 1943. № 4. С. 9.

¹⁰ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 69 об.

¹¹ Там же. Л. 78.

¹² Там же. Л. 78 об. — 79.

¹³ Там же. Л. 84 об.

¹⁴ См.: Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / Сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010.

¹⁵ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 85.

¹⁶ См.: *Мазырин А., свящ.* К истории взаимоотношений церковной и государственной

* Правильно: Георгиевского.

властей в конце 1920-х — 1930-х гг. // XVII Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М., 2007. Т. 1. С. 256–264.

¹⁷ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 66923. Т. 3. Л. 86.

¹⁸ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 38778. Л. 15.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 6366. Д. 39. Л. 82 об.

²⁰ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 38778. Л. 20.

²¹ См.: [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России за время с 1925 г. до наших дней / Публ., вступ. ст. и примеч. О. В. Косик // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 104–130.

О документе см.: Косик О. В. «Голос из России»: Путь церковного документа в русское зарубежье // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 68–96.

²² [Косткевич Г. А.] Обзор главнейших событий церковной жизни России... С. 118–119.

²³ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 64454. Т. 4.

²⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-7377. Т. 5. Л. 33–36.

²⁵ Там же. Л. 36.

²⁶ Там же. Т. 7. Л. 255–256.

²⁷ См., например, следственные дела митрополита Феофана (Тулякова), митрополита Павла (Борисовского), архиепископа Питирима (Крылова) и др. (Архив УФСБ РФ по Нижегородской обл. Д. П-6820; Архив УФСБ РФ по Ярославской обл. Д. С-12597; ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49429).

²⁸ См.: Доненко Н., *прот.* Наследники Царства. Ч. 2. Симферополь, 2004. С. 308–324.

²⁹ Доненко Н., *прот.* Наследники царства. Симферополь, 2000. С. 328–348.

³⁰ В ноябре 1920 г. в Париже была создана организация «Центр действия», куда вошли члены различных политических эмигрантских групп — Н. П. Вакар, Н. К. Волков, И. П. Демидов, А. В. Карташев, Н. Н. Пораделов и др. Общей идеей новой организации был перенос борьбы с большевиками внутрь самой России. Председателем «Центра действия» был избран Н. В. Чайковский. С целью организации нелегального проникновения в Советскую Россию со стороны ее западных границ «Центр действия» вступил в связь с другими антибольшевистскими организациями. Представителем «Центра действия» в Польше стал Б. А. Евреинов. В апреле 1923 г. вместо «Центра действия» была создана организация «Республиканско-демократическое объединение» с центром в Париже и примерно теми же задачами. В организацию вошли левые кадеты во главе с П. Н. Милоковым, правые эсеры во главе с Н. В. Чайковским, пражская группа эсеров (бывшая группа Б. В. Савинкова) и другие левые мелкие организации эмиграции. Первым пунктом программы было государственное устройство России на основах: а) республиканско-демократического строя с устойчивой и ответственной исполнительной властью; б) гарантии прав человека и гражданина; в) независимого суда, демократического самоуправления и областной автономии и пр.

³¹ Дата указана неверно, в действительности митрополит Михаил (Ермаков) был арестован 5 февраля 1923 г.

³² Всеукраинская Православная Церковная Рада (ВПЦР) — образованная в Киеве в конце 1917 г. самочинная организация, ставившая своей задачей подготовку «Всеукраинского Церковного Собора», на котором должна была быть образована «Украинская Автокефальная Православная Церковь» (УАПЦ). В октябре 1921 г. без участия кого-либо из архиереев был проведен такой «Собор», на котором при многочисленных канонических нарушениях была образована УАПЦ. Главой УАПЦ был избран «посвященный» участниками «Собора» (пресвитерами, диаконами и мирянами) в «митрополита Киевского» запрещенный в священнослужении протоиерей Василий Липковский. Одним из главных организаторов УАПЦ, соратником В. Липковского был известный украинский общественный и политический деятель В. М. Чеховский. Уже после образования УАПЦ ее иногда продолжали называть Церковной Радой.

³³ СВУ — Спілка визволення (Союз освобождения) Украины — фиктивная организация, сфабрикованная ОГПУ в провокационных целях.

³⁴ В показаниях Г. А. Косткевича передача им сведений о положении Русской Церкви в СССР и пересылка документов на эту тему А. П. Вельмину и через него представителям эмигрантских церковных кругов в Париже представлены как политические контакты анти-большевистской организации РДО с митрополитом Евлогием (Георгиевским) и др. деятелями эмиграции (см.: *Косик О. В.* «Голос из России»: путь церковного документа в русское зарубежье // *Вестник ПСТГУ:II* (История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2. С. 68–96).

³⁵ Полное название: Черная книга («Штурм небес»). Сборник документальных данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей (Париж, 1925). Показания о сборе данных автором и в Москве связи его с РДО вряд ли соответствуют действительности. Источниками «Черной книги» были: «Краткая сводка, составленная по материалам Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, состоявшей при Главкомандующем вооруженными силами на Юге России, документы, составленные чинами иностранных миссий», материалы советской и зарубежной прессы. Из России мог поступить только приложенный в числе прочих документов «Список православных епископов, находящихся в ссылке и тюрьмах», в который включены 66 человек.

Ключевые слова: Православная Церковь на Украине, гонения на Церковь, легализация, расколы, митрополит Сергей (Страгородский), следственные дела.

CHURCH LIFE DURING THE EPOCH OF PERSECUTIONS WITH THE VIEW OF THE SECRET COURIER OF THE UKRAINIAN BISHOPS: G.A. KOSTKEVICH'S INVESTIGATIVE EVIDENCE IN 1931

The publication presents the documents of the judicial investigation over one of the Ukrainian church figures who, being the contact of some bishops, found himself “in the center of events”. He wrote some articles about the state of the Church in the USSR in the late twenties. Being transferred abroad, these materials made a great impression. Till now they are valuable sources on the Russian Orthodox Church history. G.A. Kostkevich's investigatory testimony supplements the historical picture. The publication of priest A. Mazyrin, O.V. Kosik and A.N. Sukhorukov.

Keywords: the Orthodox Church of Ukraine, persecutions against the Church, legalization, dissidences, metropolitan Sergiy (Stragorodsky), investigative proceedings.